

Цысь В. В. Приходское духовенство и светские власти на Тобольском Севере в XVIII — начале XX века : особенности взаимоотношений / В. В. Цысь // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 434—446. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-434-446.

Tsys, V. V. (2019). Parish Clergy and Secular Authorities in the Tobolsk North in 18th — Early 20th Centuries: Features of Relationships. *Nauchnyi dialog*, 12: 434-446. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-434-446. (In Russ.).

УДК 94(47).06/.08:323.35+322(571.1)“17/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-434-446

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И СВЕТСКИЕ ВЛАСТИ НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ¹

© Цысь Валерий Валентинович (2019), orcid.org/0000-0002-9695-3900, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный университет» (Нижегород, Россия), roshist@mail.ru.

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений между приходским духовенством Тобольского Севера и светской властью в XVIII — начале XX веков. Выделен круг вопросов, служивший предметом их общих интересов. Отмечено, что важной проблемой, в целом успешно решенной к концу синодального периода, являлось заполнение вакансий священно- и церковнослужителей. Указывается, что светская власть старалась пресекать различные формы эксплуатации коренного населения региона, допускавшиеся приходским духовенством. Подчеркивается, что в то же время возникали ситуации, когда требовалось участие служителей церкви в реализации общегосударственных задач: подготовка перевода «Устава об управлении инородцев», приведение к присяге новому императору, организация школьного строительства, благоустройство, участие в работе коллегиальных учреждений и др. Поддержка духовенства в борьбе с «пережитками» язычества и в заботах о духовно-нравственном состоянии новокрещенных со стороны светской власти первоначально выражалась в использовании насилия по отношению к «заблудшим». Показано, что в дальнейшем происходит смягчение государственной политики в данном вопросе. Делается вывод, что общие тенденции, характеризующие эволюцию взаимоотношений духовенства и светской власти, связаны с ограничением вмешательства причтов во внутреннюю жизнь коренного населения при одновременном расширении их участия в различных формах социального служения.

Ключевые слова: Тобольский Север; благочиние; духовенство; Русская православная церковь; христианизация; светская власть.

1. Введение

Духовенство и светская власть на Тобольском Севере (в современных границах — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) совместно решали задачи интеграции региона в общероссийское политическое, хозяйственное и культурное пространство. Их взаимоотношения регулировались законодательством и сложившейся правоприменительной практикой. В специфических услови-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002.

ях Тобольского Севера роль священно- и церковнослужителей не ограничивалась кормлением верующих и исправлением треб. На них возлагался ряд дополнительных функций, при выполнении которых духовной и светской власти приходилось вступать в тесное взаимодействие. Кроме того, в некоторых случаях чиновникам требовалось сдерживать излишнюю активность представителей духовного сословия, грозившую нарушить сложившийся status quo и шедшую вразрез с господствующими в данный период тенденциями государственной политики в отношении сибирских «инородцев». Особенности и основные направления возникавших по данному поводу взаимоотношений и служат предметом настоящего исследования.

Данная тема затрагивалась в работах И. И. Огрызко [Огрызко, 1941], Н. А. Миненко [Миненко, 1975], Е. М. Главацкой [Главацкая, 2005], Е. В. Переваловой [Перевалова, 2000] и др., как правило, в контексте христианизации коренного населения. Однако в целом проблемы взаимоотношений духовной и светской власти в регионе не нашли достаточного отражения в отечественной историографии.

Основой для исследования послужила переписка благочиний (заказов), духовных правлений, Тобольской духовной консистории со светскими учреждениями (окружными и уездными исправниками, губернским правлением), сосредоточенная в фондах Государственного архива Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» и Российского государственного исторического архива.

2. Взаимодействие светской и духовной власти в решении кадровых вопросов

Как известно, проведенная митрополитом Тобольским и Сибирским Филофеем (Лещинским) в 1710-е годы массовая христианизация коренного населения Тобольского Севера вряд ли была возможна без содействия светских властей. Сохранение и укрепление позиций православия в дальнейшем требовали активного сотрудничества духовной и светской власти. Их формы и направления были обусловлены как необходимостью обеспечить функционирование церковных институтов, так и задачей решать периодически возникающие конфликты на стыке интересов духовенства, чиновников и прихожан.

В первые годы после массового крещения обских угров важнейшей проблемой являлось кадровое обеспечение вновь образованных приходов. Причт зачастую «рекрутировался» из числа местных служилых людей. Хорошо известно, что родоначальником священнической династии Кайдаловых являлся сургутский казак, сопровождавший митрополита Филофея (Лещинского) в миссионерских поездках. Его многочисленные потомки расселились по всему Тобольскому Северу. Однако имели место и случаи обратного перехода церковнослужителей в служилое сословие, вызванные необходимостью замещения вакантных должностей при несении гарнизонной службы и сборе ясака. В качестве примера можно привести случай, описанный во «всепокорнейшем доношении» сургутского заказчика митрополиту Павлу (Конюсевичу). В документе сообщалось, что сын покойного священника сургутской Троицкой церкви Илья Кайдалов с 1724 по 1734 годы служил дьячком «в лумпокольских волостях при церкви Рождества Христова». Затем «неведомо каким случаем и по какому указу» приговором сургутской воеводской канцелярии

и решением воеводы майора Михаила Пашкова он был определен в пятидесятники вместо умершего казака Данила Нарбекова. Спустя несколько лет последовала жалоба на самоуправные действия светской власти в отношении человека, относящегося к духовному сословию, с просьбой вернуть И. А. Кайдалова вместе с детьми «в духовную команду по прежнему за недостатком при святых церквях в дополнение священно и церковно служителей». Сибирская губернская канцелярия постановила «в противности указом учинено и то де отослать ево Илью Кайдалова со всеми троими детьми от той канцелярии в канцелярию ж тобольскую духовную консисторию неудержно...» [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 2, д. 58, л. 2—3]. Из приложенной справки следовало, что к концу 1750-х — началу 1760-х годов в приходских церквях Сургутского заказа не были заполнены вакансии на 11 чел., в том числе 1 священника, 2 диаконов, 2 дьячков, 2 пономарей и 4 сторожей [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 2, д. 58, л. 3 об].

Кадровая проблема сохранялась и в дальнейшем, постепенно утрачивая свою остроту из-за естественного воспроизводства. По нашим подсчетам, основанным на материалах 7-й и 8-й ревизий, в период между 1817 и 1834 годами из 42 сыновей старше 11 лет священно- и церковнослужителей Сургутского отделения Березовского благочиния абсолютное большинство связало свою судьбу со службой по духовному ведомству: 22 стали дьячками или пономарями, 13 обучались в духовных учебных заведениях (на 1834 г.), 5 являлись копиистами духовных правлений, 2 поступили на работу в Тобольскую духовную семинарию (1 «служителем», 1 фельдшером), и лишь 1 перешел в крестьянское сословие [Подсчитано по: ГУТО ГА, ф. И154, оп. 20, д. 233, л. 2—6]. Судя по рапортам Сургутского и Березовского благочинных за первое полугодие 1884 года, штаты всех сельских церквей были укомплектованы (не хватало лишь одного члена причта в Обдорске) [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 11, д. 1410, л. 10, 51].

Тем не менее, даже если вакансии и удавалось замещать, уровень образования приходского духовенства долгое время оставался низким. Сложность состояла и в том, что, по словам епископа Ефрема (Рязанова), «из епархий многолюдных трудно желающих найти и вызвать на духовную службу в Тобольской епархии, между прочим, и по суровости Сибирского климата, и потому, что поступающие из Европейской России в Сибирь на службу по духовному ведомству не пользуются теми преимуществами, которые предоставлены перемещающимся по гражданскому ведомству» (из отчета за 1873 год) [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 554, л. 16]. Соответственно духовенство оказывалось в менее выгодном положении, чем гражданское чиновничество, определяемое на службу в Сибирь. Позитивные сдвиги наметились лишь в пореформенный период. Нами проанализированы данные по 18 настоятелям церквей Березовского и Сургутского уездов по клировым ведомостям за 1841 и 1885 годы. Большая часть священников в 1841 году нигде не обучались и, вероятно, имели лишь домашнее образование (11 чел.). Из оставшихся семи трое смогли закончить Тобольскую духовную семинарию. В 1885 году не проходил обучение лишь один настоятель, достигший к тому времени возраста 79 лет. Остальные получали образование опять же в Тобольской духовной семинарии — 9 (из них

окончили — 6), в духовных училищах — 2, в уездных училищах — 6 [Подсчитано по: ГУТО ГА, ф. И156, оп. 19, д. 17, 35]. Ситуация мало изменилась и к 1908 году. Так, из 19 священников Березовского и Сургутского уездов 12 обучались в духовных семинариях (окончило — 4), 6 — в других учебных заведениях (духовные и уездные училища, учительская семинария, сельское начальное училище), 1 получил «домашнее образование» [Подсчитано по: ГУТО ГА, ф. И156, оп. 19, д. 57, 163]. Отсутствие какого-либо образования, кроме домашнего, из правила постепенно превращается в исключение.

Параллельно происходит размывание сословной замкнутости духовенства. Если в 1841 году все священно- и церковнослужители Березовского благочиния происходили из духовного сословия, в 1885 году среди священников появились представители березовского мещанства и «военных чинов»; дьяконов и псаломщиков — военных, мещан, крестьян, «инородцев» (все — по 1 чел.) [Подсчитано по: ГУТО ГА, ф. И156, оп. 19, д. 17, 35]. Существенную помощь в закреплении членов причта в приходах Тобольского Севера и пополнении за счет выходцев из других сословий оказывало наращивание материальной поддержки со стороны государства путем увеличения казенного жалованья, достигшего в «инородческих» приходах к концу XIX века 600 руб. в год для настоятеля и 200 руб. в год для причетника. С назначением постоянного денежного жалованья положение приходского духовенства становится более стабильным в финансовом отношении, хотя вплоть до начала XX века в документах неоднократно встречаются жалобы на недостаточность выделяемого, в первую очередь церковнослужителям, содержания. Другими факторами, способствовавшими решению кадровых проблем в приходах Тобольского Севера, являлись перевод священников, совершивших какие-либо проступки (в основном, пьянство), и стремление обеспечить быстрый карьерный рост.

Таким образом, за полтора столетия в численности и уровне подготовки приходского духовенства произошли существенные позитивные сдвиги как благодаря принимаемым государством и Русской православной церковью мерам, так и происходившим в стране объективным социальным и культурным сдвигам.

3. Взаимоотношения светской власти и духовенства при решении общественно-политических и хозяйственных задач

Еще одно направление взаимодействия государственной власти и духовенства — улаживание конфликтов между причтом, с одной стороны, прихожанами или чиновниками, с другой. Существовал особый порядок их урегулирования. Если светские лица обвиняли духовных в неправильном исполнении должностных обязанностей, то следствие велось представителями Церкви. В частности, сохранилось дело 1727 года по обвинению священника Леушинской церкви Ивана Пыхова надзирателем Кондинских волостей Иваном Первитским в том, что тот «Святые дары с полу сметал крылом и над теми дарами литургию дослуживал <...> в великий четверток на великом входе титул императорского величества не выговаривал <...> в Филипов пост литургию едину служил», не исповедовал прихожан, в день тезоименинства императора уехал в другой погост и др. По «распросным

листам» была доказана невиновность священника, после чего митрополит Антоний (Стаховский) отправил указ И. Первитскому, в котором сообщил: «Попу Пыхову быть по-прежнему в Леушинской церкви... И тебе Первитскому о том ведать. И с ним попом пребывать в любви и согласии» [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 1, д. 8, л. 8].

При обвинении духовных лиц в преступлениях, подведомственных светскому суду, разбирательство поручалось чиновнику, а ему в помощь обязательно привлекался «депутат» от духовного ведомства. Например, в 1749 году по жалобе остяков князца Ивана Мурасова с товарищи во взятках и обидях на сургутского протопопа Ивана Кайдалова дело вел «сибирского гарнизона капитан Корякин», а «депутатом» к нему епархиальный архиерей определил священника М. Проводникова, о чем была уведомлена Сибирская губернская канцелярия [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 1, д. 393, л. 3, 4]. Аналогичная ситуация сложилась и в 1791 году при расследовании жалобы остяков ларьякского прихода на настоятеля Я. Я. Кайдалова, обвиненного в привлечении прихожан к строительным и сенокосным работам для своих личных нужд [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 4, д. 1206].

Основным поводом для разбирательств служили обвинения в эксплуатации коренных жителей. Государство в лице своих представителей из числа местного чиновничества старалось защищать интересы подданных от злоупотреблений со стороны русскоязычного населения, включая и духовенство. Уже в документах начала 1730-х годов, созданных спустя полтора десятилетия после массовой христианизации, содержатся указания на недопустимость личного обогащения священников за счет «инородцев», так как «обретающиеся у новокрещенных духовные персоны от светских управителей имеют порицание яко бы они ездят к новокрещеным для торгов, а не для исполнения треб спасению человеческому служащих» [РГИА, ф. 796, оп. 18, д. 42, л. 5]. Аналогичные обращения к епархиальному архиерею просьбы принять соответствующие меры регулярно повторялись в 1780-х, 1790-х, 1810-х годах и т. д.

Зависимость духовенства от светской власти выражалась еще и в том, что со времен Петра I хлебное и денежное жалованье вновь учрежденные причты Тобольского Севера получали из Тобольской губернской канцелярии. Выдачи нередко задерживались, и предоставленное самому себе приходское духовенство вынуждено было самостоятельно изыскивать средства для пропитания. Священники занимались торговлей и другими не вполне соответствующими облику духовной особы делами. Это в свою очередь вызывало нарекания светских чиновников. В частности, можно обратить внимание на «Записку» 1856 года губернатора В. А. Арцимовича, где излагался целый спектр претензий к северному духовенству, в основном связанных с поборами. В «отношении» А. И. Деспота-Зеновича 1863 года отмечено, что священники «приучили их [остяков] смотреть на духовных особ как на чиновничество, старающееся о соблюдении собственных выгод, чем о действительном соблюдении своих обязанностей» [ГУТО ГА, ф. И706, оп. 1, д. 23, л. 135].

Подобного рода документы появлялись или в результате инспекционных поездок губернаторов, или же после поступления жалоб окружных исправников и других светских чиновников, достигавших некой критической массы. Губерна-

торы просили пресечь названные ими притеснения и даже советовали производить кадровые перестановки членов причта, находящихся в родственных отношениях. Архиереи уже от своего имени пересылали строгие предписания благочинным не допускать обнаруженных нарушений. Одной из мер являлся сбор подписок с настоятелей с обязательствами не совершать поборов и других противоправных действий, а также сбор объяснительных от благочинных и духовных правлений [ГУТО ГА, ф. И706, оп. 1, д. 23, л. 135 об]. По получении этих объяснительных далее делались шаги по наказанию виновных, которые, однако, не были слишком строгими. В основном дело ограничивалось сбором подписок, внушениями и выговорами.

Духовенству приходилось иногда прибегать к услугам чиновников (уездного исправника и чинов полиции) для того, чтобы заставить прихожан-«инородцев» принять решения (устные или оформленные приговорами) о выделении средств на ремонт храмов и причтовых построек. Нижние земские суды, исправники, чины полиции могли содействовать расследованию причин уничтожавших храмы пожаров, кражи церковного имущества. Известен случай, когда в сопровождении полицейского настоятель разъезжал по приходу, собирал сходы местных жителей для голосования по вопросу о месте строительства церкви после пожара [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 18, д. 828, л. 48, 50, 67—67 об]. Присутствие чина полиции необходимо было не как мера безопасности, а для того, чтобы обеспечить настоятелю нужное ему решение.

Примеров, когда светская власть нуждалась в содействии духовенства при выполнении каких-либо конкретных практических задач, гораздо меньше. В частности, к функциям духовенства следует отнести приведение к присяге вступившему на престол новому императору и его наследнику. Информация об обнародовании манифеста и необходимости присяги «всех сословий жителей как городских, так и сельских, исключая лиц женского пола и детей, не достигших 12 летнего возраста» [ГУТО ГА, ф. И704, оп. 1, д. 96, л. 396] поступала от Министра внутренних дел губернатору, от него — окружным (уездным) исправникам и епархиальному архиерею. Последний отдавал распоряжение благочинным. Под контролем полицейских властей в церквях население приводилось к присяге, затем «присяжные листы» сдавались полиции.

Вообще же о всех важнейших событиях внутренней и внешней политики, излагавшихся в царских манифестах, население узнавало при оглашении их в церквях. Тобольский Север, разумеется, не составлял исключения. Насколько оперативно получали сведения о происходившем в мире местные жители, можно судить по следующему факту. Указ о молебствии по случаю подписания Парижского мирного договора (18 марта 1856 года) из Тобольска был отправлен в Сургут 21 мая, получен в уездном центре 28 июня [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 16, л. 8]. В Верхне-Лумпокольское или Ларьяк эта информация могла попасть не ранее чем через 4—5 дней (скорее всего — 2 недели). Таким образом, в отдаленных приходах узнали об окончании Крымской войны не ранее чем через три с половиной месяца после ее завершения.

В ряде случаев гражданское начальство было вынуждено обращаться к духовенству с различными просьбами, обусловленными крайним недостатком на Тобольском

Севере образованных людей. Можно отметить многолетние усилия по привлечению священно- и церковнослужителей к переводам на остяцкий и вогульский языки текста «Устава об управлении инородцев» 1822 года, подробнее см.: [Цысь О. П., 2018, с. 67—74]. В 1892 году сургутскому благочинному было поручено предоставить географические карты приходов «с указанием рек, болот, лугов и лесов», числа жителей [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 18, л. 7—7 об.]. В 1850-е — 1860-е годы благочинных и приходских священников просили принять участие в опытах по посеву хлебов и картофеля [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 18, л. 10 об.; Цысь, 2013, с. 314—324]. Духовенство могло инициировать вопросы благоустройства городов и сельских поселений, в частности кладбищ, а также берегоукрепления в местах, угрожающих обвалом грунта и последующим разрушением церковных построек. Известны обращения подобного рода в следующей последовательности: благочинный — епархиальный архиерей — губернатор — уездный исправник — инородная управа (мещанский староста в г. Сургуте), см., например: [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 34, д. 135, л. 1—16]. На последних возлагались обязанности по организации необходимых земельных и строительных работ. Об их завершении шла информация в обратной последовательности до епархиального архиерея включительно.

В XIX — начале XX веков священнослужители включались в состав коллегияльных учреждений, связанных с вопросами социального попечения, благотворительности, медицинской помощи. В частности, можно указать на присутствие священников в окружных (уездных) «комитетах предохранительной оспы», комитетах народного здравия, а в начале XX века — Особого совещания по условно досрочному освобождению лиц, содержащихся в Березовском тюремном замке. Указанное совещание (в него входили мировой судья, уездный исправник, врач, благочинный) рассматривало дела заключенных и, если считало нужным, выносило ходатайство о досрочном освобождении на утверждение Тобольского окружного суда. Среди аргументов в пользу амнистии высказывались и такие: «Ведет себя хорошо, к администрации тюрьмы относится почтительно <...> трудолюбив и набожный, присужденный ему срок наказания [отбывает] терпеливо безропотно...» [ГУТО ГА, ф. И171, оп. 1, д. 166, л. 29]. Такие формулировки вряд ли могли появиться без представителя духовного сословия, в данном случае — березовского благочинного. После 1905 года духовенство обязательно включалось в избирательные списки при выборах в Государственные Думы различных созывов и в таком качестве принимало участие в съездах выборщиков.

4. Проблемы христианизации и духовно-нравственного просвещения коренного населения

Совместных действий духовных и светских властей требовало наблюдение за нравственным состоянием недавно обращенных в христианство «инородцев», выявление и пресечение рецидивов языческих верований. До эпохи просвещенного абсолютизма принимаемые меры могли выражаться в использовании духовенством вооруженной силы, представляемой по его запросу местными воеводами или губернатором, а позднее — в «увещевании заблудших».

Так, например, указом митрополита Павла (Конюсевича) от 27 марта 1747 года, посланным в сибирскую губернскую канцелярию, предписывалось новокрещенных «понуждать неослабно» к исполнению христианской обрядности, «а кто в том весьма ослушным окажется таковых велеть наказывать по важности вины» в присутствии заказчиков [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 1, д. 253, л. 3—4]. В том же году для поиска и уничтожения почитаемого ваховскими остяками «шайтана» была отправлена целая военная экспедиция из двух солдат и десяти казаков, в состав которой был включен ниже-лумпокольский священник Г. Кайдалов [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 1, д. 253, л. 27—52]. Подобная практика имела весьма широкое распространение. При необходимости производились аресты обвиняемых с последующим длительным тюремным заключением. Вторых и третьих жен у зажиточных остяков принудительно изымали и отправляли родителям или предписывали отдавать замуж в др. волости Тобольского Севера [Огрызко, 1941]. Во всех этих случаях духовенству запрещалось предпринимать какие-либо самостоятельные действия, а следовало сообщать в земские суды о выявленных ими преступлениях против веры.

Помимо кнута использовался и «пряник». Ежегодно из доходов Сибирской губернской канцелярии выделялось до 1 тыс. руб. на подарки новокрещенным, которые также могли рассчитывать на трехлетнюю льготу в выплате ясака и смягчение наказания за уголовное преступление, подробнее см.: [Конев, Поплавский, 2018, с. 165—174].

Последующая либерализация чем далее, тем более снижала активность светской власти в деле помощи Русской православной церкви в борьбе с пережитками язычества. Соответствующие просьбы приходского духовенства если и не игнорировались, то расследования проводились во многом формально. Так, по итогам следствия 1773 года о погребении инородцами покойников с соблюдением языческой обрядности губернатор Д. И. Чичерин по просьбе архиепископа Варлаама (Петрова) послал в Березовское комиссарство предписание о «крепком смотре» за ясашными, чтобы те зарывали в глубокие ямы умерших и ничего лишнего в могилы не клали [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 3, д. 123, л. 13]. Ни о каких арестах и других формах преследования речь уже не шла. В деле 1850-х годов о сборе прикладов к почитаемому остяками идолу Анаурту арестованный священником самаровской Покровской церкви предполагаемый языческий жрец И. Г. Ишеняков спустя некоторое время был освобожден по решению Деньчиковского отдельного заседателя [ГУТО ГА, ф. И378, оп. 1, д. 99]. Причиной такого исхода дела стало то обстоятельство, что обвиняемый своей вины не признал, а представленные священником улики носили косвенный характер. В 1851 году от священника Мужевской церкви поступил рапорт на имя архиепископа Георгия (Яшуржинского), что инородцы перед промыслом и особенно перед важными занятиями «закаляют домашнего пса своего, то же делают и по возвращении с ловли, и если лов их был изобильный, тогда закаляют белого, а напротив черного вида, и из этих шкур нашивают в честь того идола для себя одяние» [РГИА, ф. 796, оп. 132, д. 666, л. 1]. Об этом языческом обряде архиепископ сообщил в Св. Синод и Тобольскому губернатору «на благоусмотрение и зависящее распоряжение, чтобы крещеные инородцы для Церкви

имели особые чистые одежды, внушая им сие с ласковостию и осторожностию без малейшего принуждения чтобы их не прогнать от Церкви» [РГИА, ф. 796, оп. 132, д. 666, л. 1]. Фактически ничем окончилось дело 1867 года «О кровавых жертвоприношениях Березовских остяков и самоедов», инициированное преосвященным Варлаамом (Успенским), так как, по мнению губернских властей, поиск шаманов, сбор подписок с обязательствами не совершать кровавые языческие обряды физически невозможны и приведут только к проблемам при сборе ясака, подробнее см.: [Перевалова, 2000, с. 172].

Следует также упомянуть и о неоднократно предпринимавшихся в течение XIX — начала XX веков попытках перевода на «иностранческие» языки различных священных текстов, в первую очередь Евангелий и отдельных молитв. Однако инициатива в этом вопросе принадлежала преимущественно поддерживавшимся государством общественным организациям, таким как Тобольское отделение Библейского общества (в конце 1810-х годов), Обдорское братство во имя святителя Гурья (в начале XX века), или же самому духовенству.

В XIX веке попытки активизации миссионерской деятельности вызывали резонные опасения местных чиновников, так как считалось, что излишнее давление на «иностранцев», вмешательство в их жизнь могут негативно сказаться на сборе ясака, вызовут волнения и другие события, нарушающие привычный ход вещей. Отчасти по этой причине открытие Обдорской противоязыческой миссии состоялось лишь со второй попытки в 1850-е годы. Первая, предпринятая в начале 1830-х годов, провалилась, в том числе из-за отрицательной позиции губернатора и окружного исправника.

Наблюдалось и такое явление. С середины XIX века в Зауралье началось активное проникновение зырян, переселявшихся из бассейна р. Печоры. Они без особых церемоний относились к священным местам остяков и самоедов, расхищая приклады на их капищах. Березовское земское начальство помогало в розыске похищенного под тем предлогом, что при идоле находилось имущество, которое состоит в пушнине, тканях, мелкой монете и др. Преступление рассматривалась как обычная кража, требующая наказания виновных. Такая позиция вызывала двойственную реакцию духовенства. Вот как об этом свидетельствовал обдорский миссионер П. Попов: «Не думаю защищать действия зырян в расхищении идолов, потому что они бесчестны и ими руководит, вероятно, не христианская ревность о славе Божией, а виды корыстные, но мне непонятным кажется доселе сочувствие березовского начальства идолопоклонству» [Из истории ..., 2004, с. 178]. В защите иностранческой собственности священнику виделось косвенное содействие гражданского начальства сохранению языческих верований.

Религиозная обрядность совершенно перестала волновать светские власти, считавшие, что этот вопрос находится за пределами их компетенции. Акценты в использовании представителей духовного сословия в решении общегосударственных задач смещаются. Об этом, в частности, свидетельствует журнал Совета Главного управления Западной Сибири «по предположениям о постепенном введении образования между сибирскими иностранцами и распространения между

ними хотя бы некоторой гражданственности», переданный в 1856 году Министерством государственных имуществ «на рассмотрение духовного ведомства» [РГИА, ф. 796, оп. 146, д. 731, л. 2]. Священно- и церковнослужителям предлагалось участвовать в обучении коренных жителей различным полезным ремеслам, помогать в заведении пашен и огородов, в оказании медицинской помощи и распространении медицинских знаний и т. п. Намечалось также создание очагов оседлости, вокруг которых могли бы группироваться «инородцы», что виделось неперменным условием для их приобщения к цивилизованной жизни.

Для реализации данных предложений у северного духовенства не было достаточных ресурсов. Поэтому в конечном счете после многолетнего обсуждения все свелось к участию священно- и церковнослужителей в уже привычном деле — организации школьного обучения и преподавании, подробнее см.: [Цысь, 2018, с. 60—67]. Но уже к концу XIX века, несмотря на развитие школьной сети, роль духовенства как педагогов начальных церковно-приходских школ снижается. Их постепенно замещают в этом качестве учителя — женщины, получившие профессиональную подготовку.

5. Выводы

Таким образом, поводов для тесного взаимодействия при решении общих задач у духовных и светских властей было не так уж много. Анализ входящей и исходящей документации Сургутского благочиния за 1856, 1895, 1903 годы показывает, что темами для переписки со светскими учреждениями и организациями служили, как правило, финансовые вопросы (выплата жалованья, сборы средств на благотворительные нужды), подготовка и выдача справок с демографическими сведениями [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 1, 20, 25]. Доля подобной переписки в общем объеме была сравнительно небольшой: 1856 — 2,8 %, 1895 — 12,7 %, 1903 — 4,6 %.

Общие тенденции, характеризующие эволюцию взаимоотношений духовенства и светской власти, связаны с ограничением вмешательства причтов во внутреннюю жизнь коренного населения, в чем последнему всяческую поддержку оказывала светская власть в соответствии с духом и буквой знаменитого «Устава об управлении инородцев» 1822 года. Одновременно наблюдается процесс постепенного расширения участия приходского духовенства в различных формах социального служения: организации школ и преподавании в них, надзор за благоустройством, благотворительность и др.

Духовенство также отвечало за нравственное состояние прихожан. В XVIII веке этот термин понимался слишком узко — как приверженность христианству, выражавшаяся в основном в соблюдении внешней обрядности и недопущении рецидивов язычества. В последующий период данная функция стала трактоваться шире. Разнообразнее становятся и социально-политические процессы, в которые органически включаются все слои населения, включая и духовенство. Однако самостоятельной роли духовенство не играло и чаще служило орудием реализации функций светских учреждений.

Источники и принятые сокращения

1. ГУТО ГА — *Государственное* учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И156 (Тобольская духовная консистория (1721—1922 гг.)); Ф. И154 (Тобольская казенная палата, г. Тобольск Тобольской губернии (1782—1919 гг.)); Ф. И171 (Березовское уездное полицейское управление, г. Березов Березовского уезда Тобольской губернии (1899—1917 гг.)); Ф. И191 (Благочиние церковей Сургутского уезда Тобольской епархии, г. Сургут Тобольской губернии (1856—1911 гг.)); Ф. И378. (Сургутское отделение Тобольского окружного суда, г. Сургут Тобольской губернии (1865—1897 гг.)); Ф. И704 (Обдорская Петро-Павловская церковь, с. Обдорское Обдорской волости Березовского уезда Тобольской губернии (1823—1928 гг.)); Ф. И706 (Ларьякская Знаменская церковь, с. Ларьяк Березовского уезда Тобольской губернии (1781—1923 гг.)).

2. *Из истории* Обдорской миссии : Источники / сост. В. Я. Темплинг. — Тюмень : Мандр и К, 2004. — 288 с.

3. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796 (Канцелярия Синода).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Главацкая Е. М.* Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. / Е. М. Главацкая. — Екатеринбург-Салехард : РА АРТмедиа, 2005. — 360 с.

2. *Конев А. Ю.* Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI—XVIII в.) / А. Ю. Конев, Р. О. Поплавский // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2018. — № 4 (43). — С. 165—174.

3. *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. : Историко-этнографический очерк / Н. А. Миненко. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1975. — 308 с.

4. *Огрызко И. И.* Христианизация народов Тобольского севера в XVIII в. / И. И. Огрызко. — Ленинград : Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. — 148 с.

5. *Перевалова Е. В.* Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) / Е. В. Перевалова // Древности Ямала. — Екатеринбург-Салехард : Институт истории и археологии УРО РАН, 2000. — Вып. 1. — С. 152—190.

6. *Цысь В. В.* Деятельность Русской Православной церкви и светской власти по организации школ для коренного населения Тобольского Севера в 1830-х — 1850-х гг. / В. В. Цысь // Вестник Нижневартовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. — 2018. — № 4. — С. 60—67.

7. *Цысь О. П.* Научная деятельность православного духовенства Тобольского севера в XIX — начале XX вв. / О. П. Цысь // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII Всероссийские историко-педагогические чтения. Сб. науч. статей. — Екатеринбург : Уральский гос. педагогический ун-т, 2013. — № 17. — С. 634—644.

8. *Цысь О. П.* Участие духовенства Тобольского Севера в переводе «Устава об управлении инородцев» 1822 г. / О. П. Цысь // Вестник Нижневартовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. — 2018. — № 4. — С. 67—74.

9. *Шашков А. Т.* Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры : Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. — Екатеринбург : Волот, 2003. — С. 5—62.

10. Chulos C. J. *Converging words : religion and community in peasant Russia, 1861—1917* / Chris J. Chulos. — DeKalb : Northern Illinois University Press, 2003. — 201 p.

PARISH CLERGY AND SECULAR AUTHORITIES IN THE TOBOLSK NORTH IN 18TH — EARLY 20TH CENTURIES: FEATURES OF RELATIONSHIPS¹

© Valery V. Tsys (2019), orcid.org/0000-0002-9695-3900, Doctor of History, professor, Department of History of Russia, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia), roshist@mail.ru.

The problems of the relationship between the parish clergy of the Tobolsk North and secular authorities in the XVIII - early XX centuries are discussed in the article. The questions that served as the subject of their common interests are highlighted. It is noted that an important problem, generally successfully resolved by the end of the synodal period, was the filling of vacancies of priests and clergymen. It is noted that an important problem, generally successfully resolved by the end of the synodal period, was the filling of vacancies of priests and clergymen. It is emphasized that at the same time there were situations when the participation of church ministers in the implementation of national tasks was required: preparing a translation of the "Statute on the management of foreigners", swearing in to the new emperor, organizing school construction, landscaping, participating in collegial institutions, etc. The support of the clergy in the fight against the "remnants" of paganism and in their concern for the spiritual and moral state of the newly baptized by the secular authorities was initially expressed in the use of violence against the "lost". It is shown that in the future there was alleviation of state policy on this matter. It is concluded that the general trends characterizing the evolution of the relationship between the clergy and secular authorities are associated with the restriction of the interference of clergy in the internal life of the indigenous population, while expanding their participation in various forms of social service.

Key words: Tobolsk North; diocese; clergy; Russian Orthodox Church; Christianization secular power.

MATERIAL RESOURCES

GUTO GA — *Gosudarstvennoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske»*. (In Russ.).

RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. (Kantselyariya Sinoda). (In Russ.).

Templing, V. Ya. (ed.). (2004). *Iz istorii Obdorskoy missii: Istochniki*. Tyumen: Mandr i K. (In Russ.).

REFERENCES

Chulos, C. J. (2003). *Converging words: religion and community in peasant Russia, 1861—1917*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Glavatskaya, E. M. (2005). *Religioznye traditsii khantov XVII—XX vv.* Yekaterinburg-Salekhard: RA ARTmedia. (In Russ.).

Konev, A. Yu., Poplavskiy, R. O. (2018). Dar v politike i praktike khristianizatsii sibirskikh «inovertsev» (po materialam Zapadnoy Sibiri kontsa XVI—XVIII v.). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 4 (43): 165—174. (In Russ.).

¹ This work was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra, project № 18-49-860002.

- Minenko, N. A. (1975). *Severo-Zapadnaya Sibir 'v XVIII — pervoy polovine XIX v.: Istoriko-etnograficheskiy ocherk*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otделение. (In Russ.).
- Ogryzko, I. I. (1941). *Khristianizatsiya narodov Tobolskogo severa v XVIII v.* Leningrad: Uchpedgiz, Leningr. otd-nie. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2000). Obdorskiye knyazya Tayshiny (istoriko-etnograficheskiy ocherk). In: *Drevnosti Yamala*. Yekaterinburg-Salekhard: Institut istorii i arkhologii URO RAN. 1: 152—190. (In Russ.).
- Shashkov, A. T. (2003). Tserkvi i monastyri Severo-Zapadnoy Sibiri i ikh biblioteki. In: *Kniznyye sokrovishcha Yugry: Rukopisnyye i staropechatnyye knigi iz sobraniy goroda Khanty-Mansiyska*. Yekaterinburg: Volot. 5—62. (In Russ.).
- Tsys, O. P. (2013). Nauchnaya deyatel'nost' pravoslavnogo dukhovenstva Tobolskogo severa v XIX — nachale XX vv. In: *Aktualizatsiya istoricheskogo znaniya i istoricheskogo obrazovaniya v sovremennom obshchestve. Ezhegodnik. XVII Vserossiyskiye istoriko-pedagogicheskiye chteniya*. Yekaterinburg: Uralskiy gos. pedagogicheskii un-t. 17: 634—644. (In Russ.).
- Tsys, O. P. (2018). Uchastiye dukhovenstva Tobolskogo Severa v perevode «Ustava ob upravlenii inorodtsev» 1822 g. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 4: 67—74. (In Russ.).
- Tsys, V. V. (2018). Deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy tserkvi i svetskoy vlasti po organizatsii shkol dlya korennoogo naseleniya Tobolskogo Severa v 1830-kh — 1850-kh gg. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 4: 60—67. (In Russ.).